

и ханаонских царей, закончилась бесчестьем; и настигли меня невзгоды, как Чермное море Фараона“ (см. А, III—IV).

В „Молении“ вся эта замечательная самохарактеристика автора и раскрытие его взаимоотношений с князем совершенно искажены. Мелкие пропуски, повторение сказанного выше, замена одних слов другими не только затрудняют понимание этого места произведения, но и затемняют его смысл в целом. И если для автора „Слова“ самое главное в том, чтобы отстоять волнующие его мысли, то в представлении редактора „Моления“ герой страдает от того, что „не ста обилие посреде дому“ его. Эта тенденция вести речь от имени героя, впавшего в нищету и ищущего милости князя, еще не раз скажется затем в „Молении“ в переосмыслении и неизбежном искажении отдельных мест „Слова“.

* * *

В литературе о „Слове“ и „Молении“ прочно держится легенда что в жизни Даниила имели место какие-то особые обстоятельства — „худые дела“, „преступление“, которые заставили его „бежать“ и в конце концов оказаться в заточении. Основания для этого ищут в следующих словах введения первой редакции: „Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своя (А, V)“. „Бежа от лица художества моего“ истолковывается как — бежал от худых дел своих (И. И. Срезневский) или бежал от своего ремесла, совершив преступление (М. Н. Тихомиров). Фантастичность такого истолкования этого места „Слова“ становится очевидной, как только мы прибегнем к текстологическому изучению его. Текстологических данных в этом случае вполне достаточно для того чтобы определить, как это место было написано в оригинале сочинения и какой смысл оно имело. В списках „Слова“ это место читается — „бежа (Т бежах; Беломорск. беже) от лица (К отаи) художества моего“. В списках „Моления“ — „бежа от лица худости („Послание“ скудости) моя“. Как же было в оригинале сочинения Даниила — „художества“, „худости“ или „скудости“?

В сочинении Даниила еще раз встречается слово „художество“. Так, в первой редакции в обращении к сыну великого князя (царя) Владимира говорится: „Пусти тучю на землю художества моего (А, XII)“. Редактор „Моления“ уже пишет: „Обрати тучю милости твоя на землю художества моего (У, XLV)“. Это один из конкретных примеров того, как тенденция редактора „Моления“ вести речь от имени героя, впавшего в нищету и ищущего милости князя, приводила к переосмыслению и искажению текста „Слова“. Действительно, в „Послании“ (Ч, XLV) первоначальный смысл этого места уже полностью изменен. Здесь герой просит князя об облегчении своего тяжелого положения („худости“): „Обрати тучю милости твоя на землю худости моя“, в то время как автор „Слова“ — повидимому, действительно сам автор, а не его герой — просит князя о внимании к его „художеству“, а не о какой-то милости или милостыне. По-новому истолковав это место „Слова“, редактор „Моления“ дополняет его изображением радости, которую испытывал бы герой, получив княжескую милость: „да возвеселюся о царе своем, яко обретая корысть многу злата; воспую, яко напоец вина; возвеселюся, яко исполн теци пут(ь)“. Всего этого нет в тексте „Слова“, да и не могло быть. Не понимая слова „художество“ в том значении, какое было придано ему в оригинале, редактор „Моления“ заменил его словом „худость“ и выше, во введении,